

ДНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР В ЛЕНИНГРАДЕ

«ТЫСЯЧА ВТОРАЯ НОЧЬ ШЕХЕРАЗАДЫ...»

Воскресный гость «Смены» —
народный артист РСФСР
и Киргизской ССР
МАХМУД ЭСАМБАЕВ



О ЕГО ТАНЦАХ по миру ходят легенды. Вокруг его имени рождаются самые восторженные эпитеты. Например, мексиканская газета утверждает, что «Эсамбаев — это тысяча вторая ночь Шехеразады, новая сказка, рассказанная вблизи экватора депутатом чечено-ингушского парламента». Он народный артист двух союзных и четырех автономных республик, лауреат международных конкурсов, депутат Верховного Совета Чечено-Ингушетии.

Сейчас, когда в Ленинграде проходят дни литературы и искусства его республики, артист снова приехал в наш город. Мы встретились в гостинице «Октябрьская». Не было алых перьев «Макумбы», плаща торреро и цилиндра «Автомата». Был молодой человек с фигурой юнша-горца, с пронзительными глазами и чуть грустной улыбкой. И был разговор.

— Махмуд Алисултанович, что же для вас танец?

— Танец — это жизнь моя, без него себя просто и не представляю. Танцовщик может прекрасно освоить все па, достичь виртуозной техники исполнения, и, наоборот, его искусство будет производить впечатление. Но этого еще мало. Чтобы танец выражал самую жизнь, исполнитель должен вложить в него мысль, сердце, всего себя. Сколько бы ни продолжался мой танец — три минуты, пять или восемь — он всегда имеет свое рождение, развитие, кульминацию... Имеет свою

драматургию. То, что драматический артист выражает словом, я стараюсь передать зрителю пластическим языком. Моя задача — не столько исполнить танец, сколько перевоплотиться в человека, танцующего данный танец. Чтобы был театр переживания, а не представления. Танцую, я должен точно знать, кто я сейчас.

— Исходя из этого вашего кредо, наверное, было бы справедливо переименовать программу: не «Танцы народов мира», а «Народы мира в танцах»?

— Может быть. Во всяком случае, в каждый танец стремлюсь вдохнуть душу народа, его породившего. Вчера обрадовался. На концерте в «Октябрьском» после испанского танца вдруг раздалось из зала: «Ол-лей!» Этот возглас я уже слышал на корриде, в нем — высшее одобрение тореадору. Значит, в зале есть испанцы, и они приняли мой танец как свой. Не выдержал и крикнул им: «Грассио!» Для артиста высшее счастье, когда в Испании его называют испанским танцором, в Индии — индийским... Ремесленник народ сразу уличит в обмане: «Нет, это не наш танец». Если кто-то плохо танцует мою родную лезгинку, я сразу перестаю быть добрым... Я уже писал однажды, что, как курица разгребает зерна, прежде чем клонуть, так и я из тысячи танцев отбираю те, которые соответствуют моей индивидуальности артиста и человека. Берусь за танец, если только уверен, что моя палитра может его украсить. Решиться трудно, ведь в каждом танце — своя философия, своя

красота, созданная природой.

— Сколько времени в сутки вы отдаете танцу?

— Все без остатка. И очень жалею, что несколько часов немолимо кредет сон. День у человека обычно начинается с физзарядки. У меня — тоже, но моя физзарядка — особая. Вот вы пришли, когда я у зеркала заканчивал обычный утренний тренаж. Классические упражнения, упражнения на выносливость... Попробуйте-ка, раздвинув колени, медленно присесть и встать. Медленно, еще медленнее... Трудно, правда? Обычно артисты балета выполняют это упражнение, так называемое «плие», за несколько секунд, я же растягиваю его более чем на две минуты. Репетиции — ежедневно по шесть-восемь часов. Вечером — концерт.

— А некоторые молодые зрители еще нередко представляют себе жизнь в искусстве как спелые овалы, цветы и поездки на зарубежные фестивали...

— Жизнь истинного артиста не легче, чем у шахтера: рубит по две смены. На сцене наш сольный рабочий пот рождает волшебные мгновения, когда происходит сотворение чуда. И тогда овации — плата за этот нелегкий труд. И цветы — тоже... Самое большое счастье для человека — найти свою профессию и отдаваться ей без остатка.

— Когда вы впервые поняли, что рождены для танца?

— Когда мне было четыре года. Меня таскали из села в село на разные вечеринки, чтобы я там танцевал. Наш народ вообще танцующий. Тысяча чеченцев

будет исполнять лезгинку, все — вроде бы одно и то же, и все-таки у каждого — своя манера. Пока я был подростком, отец к моей страсти относился более или менее спокойно. Но потом крестьянин из аула Старые Атаги Али-Султан Эсамбаев решительно воспротивился: «Среди нас никогда не было клоунов. Чеченец танцует на свадьбе, танцует, когда ему весело, но не на потеху зевакам!» Доставалось мне от него крепко, рука у отца была тяжелой... Когда несколько лет назад вышел фильм «Я буду танцевать», некоторые зрители засомневались: правда ли, что меня столько били? Так вот, если снимать до конца правдивую картину о моем пути в искусство, надо делать четыре серии: три серии побоев и лишь одну, где я танцую... Позже отец понял, что ошибался, и конфликт был исчерпан.

— В печати уже сообщалось, как однажды на концерте потрясенный вашим искусством человек избавился от немoty. Какова его судьба, продолжается ли ваша дружба?

— Да, продолжается. Бережно храню фотографию с надписью: «Моему лекарю-чародею. Анатолий Барыгин, танцовщик украинского ансамбля «Веснянка». Год назад снова был в Херсоне, встретился с Толей... Случались со мной происшествия и совсем обратного характера. Как-то на концерт в Краснодаре пришла женщина, русская по национальности, но долгие годы прожившая в Бразилии. И вот во время «Макумбы» с ней началась истерика, да такая, что пришлось прервать выступление. Зрительница потеряла дар речи. Уже после концерта, придя в себя, она объяснила: «Этот танец перенес меня в мое детство, когда я ходила с мамой на праздник «Макумбу».

— В лентфильмовской картине «Лебединое озеро» вы станцевали партию Злого гения. Народный танец — и вдруг строгая классика, ленинградская балетная школа. Как вы совмещаете их?

— Дом строит с фундамента. Если фундамент хороший, дом стоит долго. Так вот, ленинградский балет, по моему глубокому убеждению, — это фундамент для любого танцовщика в мире. Я не люблю сниматься в кино, но когда позвонили из Ленинграда и сказали про «Лебединое озеро», буквально запел от счастья. Прилетел сразу. И началось удивительное время... Жил я в этом же номере. (Между прочим, всегда останавливаюсь в этой гостинице, в этом уютном номере. В общей сложности провел здесь не меньше трех лет. Порой мне даже кажется, что мой родной дом не в Грозном, а именно здесь). В углу стоял проигрыватель, и все время звучал Чайковский. Даже уборщицы тогда ходили по номеру, как на пуантах, и признавались: «Скоро и мы за-

танцуем». Всякий раз с нетерпением ждал рассвета, чтобы мчаться на улицу Росси, где за меня принимались Дудинская и Сергеев. Как они меня гоняли: «Махмудик, не поднимай плечо, Махмудик, держи корпус...» Честное слово, Эсамбаев до и после фильма — это два разных человека. Появилась форма, которой стоило добиваться целый год.

— Вы безжалостны к себе. Все подчинено танцу. Ну а все же, может, есть хоть одно увлечение из другой области?

— Пожалуй, нет. Люди коллекционируют разное: марки, значки, этикетки... А я собираю танцы народов мира. Люблю наблюдать на улице за людьми, за их манерами, привычками... Подслушиваю слова, которые «говорят» руки, ноги, спины. Потом все это оживет в танце. Мой балетмейстер — прежде всего народ, а уже потом конкретный человек, ставший танец.

— Как вы относитесь к современным танцам — разным тансам, шейкам, мамбам?

— Как-то, будучи в Южной Америке, получил приглашение на пикник в джунгли. Расположился с комфортом, хозяйка привезла с собой даже трюмо. К большому зеркалу вмиг сбежались обезьяны и, увидя свое изображение, стали делать уморительные гримасы. И тогда хозяйка включила магнитофон. На пленке был твист. Что началось с животными! Что они вытворяли в такт музыке!.. И тогда я окончательно понял, что твист — танец обезьяний, и человеку незачем отбивать у них хлеб... И вышедший из моды твист, и все еще популярный шейк, и прочие подобные им «новинки» воспринимаю как уродство, потому что отношения между партнерами здесь уродливы, а они в танце непременно должны быть красивы.

— Ну а сами на вечеринке или в ресторане что вы предпочитаете танцевать?

— Пожалуй, блюз. Ну и, конечно, благородный вальс, который просто обожаю.

— Вы депутат Верховного Совета республики. Помогает ли в депутатской работе популярность артиста?

— Иногда очень. Допустим, нужно провести воду в аул, а трубы достать — проблема. Но директор трубного завода бывал на моих концертах, и поэтому вопрос решается без лишней волокиты.

— О чем чаще всего спрашивают вас зрители?

— Чаще всего интересуются, как сохранить фигуру.

— Ну и как же, все-таки, сохранить фигуру?

— Рецепт мой суров: сытый человек не должен танцевать, он должен спать. Знаете присказку: «На пиру был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало...» Так это, пожалуй, про меня. Из-

за строжайшей диеты всегда хочу есть. И сейчас — тоже. Французы говорят: «Хочешь быть красивым — терпи». Фигура нужна мне для работы. Как говорил Михаил Светлов, «у меня не телосложение, а сплошное теловычитание». Чтобы при росте в 180 сантиметров постоянно иметь талию — 47, приходится идти на многие жертвы. Журнал «Пари-матч» однажды писал: «Спасибо этому советскому танцовщику за сохранение французской грациозности, которую, к сожалению, французы сейчас потеряли. С такой фигурой в лучших ателье мод гарантируется работа любой девушке». Надеюсь, что когда через пятнадцать лет покину сцену, в моей фигуре не будет еще солидности.

— Можно ли рассчитывать на то, что через пятнадцать лет на сцене появится новый Эсамбаев?

— К сожалению, сына у меня нет. Правда, дочь Стэлла тоже связала жизнь с искусством: преподает классический танец в Чечено-Ингушском хореографическом училище. Ну а новый танцор, который достигнет большего, чем я, наверное, все-таки появится. Это моя цель.

Я СПРОСИЛ артиста, что бы он хотел пожелать читателям «Смены», которые решили посвятить себя искусству. Эсамбаев задумался:

Я желаю молодым людям, любящим себя искусство, не жалей сил в достижении той волшебной высоты, которая неодолима человеку.

Махмуд Эсамбаев

Потом он рассказывал о цыганском танце, над которым сейчас работает. Это не будет традиционная «цыганщина», с оглушительными хлопками и возгласами. Ритм танца останется прежний, но решение — пластическое, соответствующее своеобразной фактуре исполнителя... Эсамбаев не выдержал и тут же, на ковре, показал, как это будет выглядеть. И хоть не было ни оркестра, ни сцены, он одному ему известным способом на мгновение растворился в новородившем танце, и потом, убедившись, что единственный зритель разделил его радость, восторженно развел руками: «О чем мы говорим!» Кстати, это его любимое выражение.

Л. СИДОРОВСКИЙ
Фото Ю. Каменского